

Александра Михневич

Пончик

Александра Михневич Пончик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43113533

ISBN 9785005005700

Аннотация

Литературное произведение, написанное петербургской писательницей Александрой Михневич. Сюжеты для произведений писательница берет из жизни.

Содержание

Последняя суббота июля	5
Дупло	29
Пончик	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пончик

Александра Михневич

© Александра Михневич, 2019

ISBN 978-5-0050-0570-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последняя суббота июля

Рассказ

*Не клянись,
ибо всякая клятва высокопарна.
Борхес*

Как огромно горе!
Как велика печаль...

Как неизбежны слёзы!..
И – как же нескончаем поток их...

– И откуда ты их только берёшь? Ещё в таком количестве, – миролюбиво поинтересовалась подружка, входя в комнату.

Зарёванная Даша, в отчаянье заломившая руки и с силой прижавшая их к своей худощавой груди, порывисто обернулась.

Подружка со спокойной улыбкой поставила на стол симпатичный торт «Санчо», похожий на белоснежную пушистую шапочку. И выудила из сумки, крепко держа, баночку

варенья:

– Это тебе подарочек, от прадедушки. Малиновое. Он, как прабабушку похоронил два года назад, так сам теперь и варенье варит. Всё лето на даче торчит, урожаем заведует. Они с прабабушкой всю жизнь вместе прожили, душа в душу. Так он теперь говорит, что всё старается делать так – по хозяйству – как если бы она делала. Она заботилась о нём всегда. Да она обо всех всегда заботилась... И для него – всё делала лучше всех. Вот он и варенье теперь взялся варить. Попробуем.

– Я не могу, – через силу простонала Даша.

И отвернувшись: на глаза снова навернулись слёзы.

– Что именно ты не можешь? – с ласковой улыбкой уточнила подруга.

– Есть не могу.

– А что так?

– Не в силах... – едва пролепетала Даша.

Подруга выдохнула, пряча улыбку.

– Чаем-то всё же угостишь? Вообще, я это тебе принесла. То есть, нам с тобой вместе. Ты ж мне сама написала: ах, ах, последнюю субботу июля празднуют, вселенский праздник, типа. И всё такое. И всё такое про любовь. Вот я и пришла! А ты меня чаем угостить не хочешь! Как же теперь праздновать-то? А?

– Нажми, пожалуйста, на кнопку, – простонала Даша, чуть обернувшись к подружке. – Только проверь воду...

И залилась слезами:

– Да это день вселенской скорби!

– Да ну... – опешила подруга, на миг зависнув над маленьким немощным чайничком с открытой крышкой: проверяла воду. – А мне вот что-то не скорбится...

– Как ты не понимаешь! – вскипела слезами Даша. – Там настоящая любовь! Такая пара! Такая история!.. И они так и не смогли быть вместе! А ведь любовь – это то, ради чего стоит жить! Всё остальное – по сравнению с любовью, с истинной, великой – меркнет! Можно довольствоваться малым – во всём, во многом. И только без любви жить нельзя! Потому что – просто невозможно! Понимаешь ты это!!!

– Ну... Да, конечно! Ты абсолютно права, я с тобой полностью согласна, – уверенно согласилась подруга. – Но... Послушай, Дашуля, может, тебе не стоит так уж убиваться из-за четырёх Резановых, а? Ну, и ладно, была такая история. Ну, не вышло у них. А у нас будет по-другому, будет хорошо.

Будем мы счастливы, обязательно, и ты, и я. И встретим – обязательно! даже не сомневайся, – свою любовь. Великую и настоящую. И две свадьбы сыграем, пир на весь мир. Ну, если нам так захочется. И будем жить в счастье и любви. Ну,

чего ты...

Подружка смотрела на хозяйку с таким сочувствием, с такой теплотой, и уже сама чуть не плакала – так хотела успокоить и развеселить свою любимую подружку и даже – какую-то там, седьмая-вода-на-киселе, – родственницу.

Но у родственницы в недрах родился новый поток морской воды, вселенский и безудержный. Она повернулась к подруге и заговорила, горячо и быстро, не пряча слёз:

– Маша, да пойми ты! Во-первых, они не чета – ведь они так и не соединились!

Во-вторых... Как же так? Если такая любовь – то как Бог допустил, чтобы эти любящие сердца так и не были связаны навеки? Как это понимать? Как вообще можно такое понять?!

И в-третьих – да пойми же ты!

Любовь живет вечно!

Любовь есть мера всех вещей.

Любовь, – наконец, – то, ради чего стоит жить.

Ради чего действительно **СТОИТ ЖИТЬ**.

– Хорошо-хорошо! – с готовностью согласилась подруга. – Пока что всё верно! Я полностью с тобой согласна! Меня

учили, с самого детства, тому же самому! И я подписываюсь под каждым твоим словом! Нет, под каждым твоим слогом!

– А что мы тут имеем? – горестно спросила хозяйка. – Что, несмотря на всю такую любовь и всё такое – их большие чувства исчахли, не успев родиться?

Так вот, в-третьих: если там Кончита не дождалась – хотя ждала 43 года – как верить, что мы-то с тобой дождёмся, а?

Как тогда вообще верить в любовь?

Как?..

И Даша снова, в порыве горького отчаянья, прижала руки к груди, и залилась новым потоком слёз.

– О, Господи, – вздохнула подружка и воздела глаза к потолку с обсыпающейся извёсткой, – успокой ты её, а? Сил нет смотреть на её слёзы.

Прошептала: – И вообще, чего она так надрывается...

И сказала:

– Дашуля, чай уже давно заварился, давай пить пока горячий, а? А насчёт аппетита в скорби – вспомни лучше Одиссея, а?

Даша тут же вспомнила фрагмент – где Гомер описывает, как циклоп сожрал нескольких товарищей Одиссея... И, хотя это произошло на глазах уцелевших, и, естественно, они страшно скорбели о погибших, и вообще, пережили жуть и ужас – но всё же аппетит их ничуть не уменьшился.

Вздохнула, нежно посмотрела на торт, обняла взглядом варенье... Снова вздохнула прерывисто и перестала плакать. И села за стол.

Щедрый кусочек сладкого торта сделал своё дело, настроение моментально улучшилось.

Подруга открыла варенье: съела ложечку и подвинула банку поближе к хозяйке. И уточнила между делом:

– Горячую воду не дали? Трубы кладут?

Даша покачала головой, затем покивала.

Подружка решила продолжить беседу, видя, что хозяйка успокоилась.

– Знаешь... – Но на всякий случай попросила: – Только не реви!

Так вот. Знаешь... Мне кажется, есть тут какой-то подвох. Понимаешь, всё, что ты сказала – правильно.

Но есть нюанс.

Ты говорила – со стороны любви. Бог, любовь, светлое,

прекрасное. Да.

А ведь любовь – это чувство, то есть, энергия, сила, – которое не витает в воздухе само по себе.

Ведь так?

Даша кивнула.

– Любовь живёт – именно живёт – в душе, в сердце, в личности человека. Во всём его существе. То есть, в самом человеке.

Вот в этом, наверно, и есть подвох – у них.

Может быть, всё дело в том, что... Только не реви! Может быть, просто в них не жила любовь?

Даша аж рот раскрыла.

– Смотри, ты обещала не реветь! – быстро проговорила Маша, внушительно глядя подруге в глаза. И той ничего не оставалось, как – просто согласиться; и она тут же почувствовала, как пропала печаль, исчезло отчаянье, и даже улетучилось уныние.

И она улыбнулась: неуверенно, сквозь слёзы – и всё же заулыбалась, сама собой.

– Ох, Маша... Я не знаю! Понимаешь! Ну, как же так!.. Они же там отмечают, каждый год, в последнюю субботу июля, в Форте Росс, люди собираются, и русские, и амери-

канцы. Вот, и по новостям у нас показали – юбилейная же дата, двести десять лет как он был основан. И в интернете везде есть. Ну, правда, не говорят напрямую про Резанова, его же тогда уже не было...

Слёзы наполнили Дашины глаза, но она постаралась поскорее успокоиться – главным образом, под воздействием внимательного взгляда верной подруги.

– Но всё равно, – продолжила она, – как слушаю оперу «Юнона и Авось», так жить не хочется... Просто слезьми умываюсь!

– Так, может, тебе не стоит слушать эту оперу? Может, она просто не для столь впечатлительных особ? Есть много других слушателей – они пусть и слушают.

– Так история интересная. И поют красиво. Очень.

– Да, поют красиво, согласна, – подтвердила подруга.

И подытожила:

– Давай так. На сегодня хватит, хорошо? И мне кажется, – подруга мягко улыбнулась, – что ты уже просто немножко скучаешь. Займись лучше делом, договорились? Чем-то полезным.

Через две недели подруги снова пили чай.

– На этот раз – чёрная смородина. Давай, налетай! – засмеялась подруга, – а то деликатничаешь, как будто и не тебе передали.

И сама потянулась за внушительным пряником с черносливом.

– Вкусный! И где ты всё время всякие такие лакомства выискиваешь! – одобрила подруга. – А кроме банки варенья, прадедушка ещё передавал тебе привет, большой и очень тёплый. А ещё...

Гостья сделала паузу, давая хозяйке возможность спокойно прожевать, проговорить слова благодарности и настроиться на нужный лад:

– Ещё он рассказал кое-что интересное...

Он, как ты знаешь, член Русского географического общества. И вообще, моряк, военный, романтик. Он, конечно, знал эту историю – про графа Резанова и дочь калифорнийского губернатора.

Так вот, когда я заговорила про великую несчастную любовь – он как-то странно заулыбался. Посмотрел на меня. И знаешь, что сказал?

Что – не бывает любви такой, сякой, настоящей, не настоящей. Великой – не великой. Несчастной – или ещё какой-нибудь.

А любовь – если она есть – то она и есть: великая и настоящая.

А если она какая-то другая – так то уже и не любовь вовсе. А что-нибудь ещё.

И по поводу несчастной любви: если такое великое, прекрасное, светлое чувство – самое сильное чувство в мире! – делает человека несчастным – значит, просто объект любви выбран неверно. И этой самой любви не заслуживает. Представляешь?

Даша слушала во все уши. Порывисто схватила подружку за руку:

– Маша, подожди, а про ту самую – про их любовь – он говорил что-нибудь?

Маша засмеялась:

– Говорил! Только давай так: ты слушаешь спокойно. Не перебиваешь. И – главное! – не ревёшь! Тогда расскажу. Даша с жаром закивала и согласилась на все условия.

– Ну, хорошо. Тогда слушай...

Есть такая книга – я уже прочла, в интернете нашла, и тебе ссылку кинула, перед выходом из дому – ты ещё не смотрела? Ну, потом прочтёшь. И сама во всём разберёшься и убедишься. Называется «Двукратное путешествие в Америку

морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним». Автор – Давыдов Г. И., в двух частях, вышла в Санкт-Петербурге, в 1810 и 1812 годах, в «Морской типографии».

А я просто перескажу, что сказал прадедушка.

Эти два морских офицера ходили на кораблях – правильно, на «Юноне» и «Авось» – в Америку. Молодые доблестные офицеры, честные ребята. С большим уважением отзывались о графе Резанове, а он, в свою очередь, очень хорошо относился к ним.

Гавриил Давыдов ходил вместе с Николаем Резановым, которого ты уже оплакала, в 1805-м на корабле «Св. Мария Магдалина» из Петропавловска в Новоархангельск – это столица Русской Америки.

Потом Давыдов командовал тендером «Авось» в Охотском море. В 1807-м совершил плавание к Курильским островам, южному побережью Сахалина и острову Хоккайдо. Вместе с командиром «Юноны», тоже лейтенантом флота, Николаем Хвостовым, уничтожили две японские фактории на Курильских островах: это они сделали по инструкции Резанова. Успешно воевали и в русско-шведскую войну 1808—1809 годов.

Записки Давыдова издал адмирал Шишков. Он же приду-

мал заголовок.

А теперь – внимание!

Оба этих бравых офицера, побеждавшие превосходящих по силам и японцев, и шведов, и в Америку сходявшие, и вообще, рискованные и мужественные парни – знаешь, как окончили дни свои и годы? Причём, годы молодые: одному 32, другому 24.

А утонули!

А – так: в Неве.

Осенней ночью понадобилось им, задержавшись в гостях на Васильевском острове, вдруг перебраться на другой берег. Мосты, понятно, разведены.

Как раз в это время под мостом шла барка.

Они прыгнули с одного крыла моста – на барку, чтобы с барки – запрыгнуть на другое крыло моста.

Свалились в воду и тут же утонули. Оба. И тела их не нашли...

То есть, ни подумать они как будто не могли – о своих действиях – до того, как.

Ни потом – справиться с ситуацией.

А были они в гостях – вместе с американским корабель-

щиком Вульфом, с которым дружили – у профессора Лангсдорфа, с которым тоже дружили.

Корабельщику наутро надлежало ехать в Кронштадт, для отбытия на своём корабле обратно в Америку. А среди ночи ломанулись – почему-то они...

Оба – командиры кораблей, бывали и не в таких переделках... Ну-ну.

Произошло это в 1808-м. У обоих – то ли жили старенькие родители где-то в отдалённых имениях, то есть, своих деревнях, – то ли уже померли.

Незадолго до сего происшествия, а именно поздней осенью 1806-го, умирает граф Резанов.

Да, нет, никакой его корабль в шторм не попадает, и умер он на берегу, и не на каком обратном пути из Америки.

А наоборот, до повторной экспедиции: когда ехал из Охотска – вот, в Красноярске и преставился, не доезжая Петербурга.

Да, и умер-то – поспешно...

Но при этом успел оставить перед своим отбытием инструкцию Хвостову и Давыдову – чтобы ...отправлялись без него! Да, в Америку. Через Курильские острова, усмирив

японцев.

Хвостов ещё удивился: был уверен, что Резанов тоже едет в Америку, обязательно. Резанов – полномочный посол в Японии и главный участник и попечитель Американской кампании. Настоящий патриот российского Отечества и флага...

И ещё о том, кто такой Резанов.

Граф, действительный статский советник, камергер.

Знаешь, кто такой камергер? Было такое почётное придворное звание, в европейских странах с монархией, этим званием жаловали гражданских чиновников из старинного дворянства, они ходили при парадной форме и носили золотой ключ на голубой ленте. Сначала камергер был должностным лицом при дворе, ведал какой-нибудь отраслью дворцового управления.

А весной 1809-го – вдогонку тем событиям – Александр I издал указ, что в России придворный штат камергеров упразднён, и звание стало просто почётным.

И соответственно, Резанов – в важных и актуальных служебных списках придворных чиновников – уже не числился.

Таким образом, примерно в одно время трое непосредственных и самых активных участников событий – исчезли. Записаны в небытие.

Теперь – кто же такая Кончита. Которую ты тоже уже оплакала.

Прадедушка поухмылялся – я так и не поняла, то ли он это где-то читал, то ли от кого-то слышал... В общем, действительно была такая – юная дочь губернатора Калифорнии. Ну, в те-то времена 16 лет – вполне половозрелый возраст считался для девицы. Взрослая женщина.

И неизвестно, что в ней было дурнее: внешность, характер или воспитание.

В те времена Калифорния была отсталым захудалым местом.

Ну, что ты хочешь, если США – как государство – было образовано всего за 30 лет до этого! И самый цивилизованный город Калифорнии – он же долго был столицей этого штата – крохотный городишко Монтерей на задворках мира. Этот Монтерей, в составе Испано-Мексиканского государства, был основан примерно тогда же! И почти сразу стал столицей штата. Представляешь, что там было?.. В то время он был и единственным портом в штате.

Как раз в начале 19-го века там строили первую школу, единственную библиотеку. И единственный на всю Калифорнию театр. Только ещё строили! При этом Монтерей

считался – культурным центром всего штата!

Сравни с Европой, с нашим могущественным культурным древним государством с великими традициями! Которое, кстати, как раз вскоре вчистую разбило Наполеона.

В Калифорнии у властей была одна забота: следить, чтобы не было вооружённых конфликтов. На эту территорию – которую местные индейцы много столетий, естественно, считали своей – претендовали и завоеватели испанцы, и отделившиеся, но ещё не признанные мексиканцы...

Здесьние власти – все губернаторы – были испанцы. Обычные испанские офицеры. Зачастую выходцы из захудалых дворянских семей – ну, а кто ещё поедет на всю жизнь неизвестно куда и зачем, без удобств и прочего? Только те, кому нечего терять. В надежде на заработок и должности.

Вот такой суровый испанский офицер и был губернатором. Если бы у него был сын – конечно, он бы им занимался. Учил военному делу, образовывал. А так – дочка, да ещё в такой дикой местности, какие уж там учителя. Она была предоставлена сама себе и всю этим пользовалась.

Доподлинно неизвестно, от кого была эта дочка: от испанки, понятно, далеко не самой родовитой, или же от туземной индейской женщины, или от мексиканки...

Кончита была нехороша собой. Но чётко помнила, что она дочь губернатора! И ежеминутно напоминала об этом окру-

жающим. В основном, по этой причине – вздорности её характера и спеси – поклонников у неё было на удивление мало: всего два или три, да и те не очень усердствовали в ухаживаниях. И её отец прекрасно понимал, что их больше интересует он сам – как губернатор, нежели дочка.

А про её воспитание и говорить не приходится.

Вот её-то и увидел на балу в его честь – утончённый придворный до мозга костей, светский человек до кончиков ухоженных пальцев, камергер Его Величества могущественного русского императора, столичный граф Резанов. Вряд ли этот умный, зрелый и прекрасно образованный мужчина смог бы вынести эту неотёсанную и вздорную девушку дольше пяти минут.

Но... У него было высочайшее повеление: Российской Американской Кампании – быть, любой ценой. Ну, или почти любой.

Отец Кончиты, губернатор – несмотря на гораздо более простое происхождение и скромное образование – тоже был человек умный, хитрый, деловой, и тоже прирождённый дипломат. К тому же он был человеком сильным, сам всего добился в жизни – своим умом, трудом, бесстрашием. И всё-таки любил свою дочь. И, конечно, вовсе не хотел делать её несчастной.

Он прекрасно понимал, что сохранять любезное лицо –

а не смотреть на Кончиту с отвращением – высокопоставленного русского гостя заставляет лишь прекрасное воспитание и дипломатический такт.

А ещё он понимал, что русский царь имеет большие виды на эту местность.

Аррильяга Хосе Хоакин – скорее всего, это был именно он. Хотя – если губернатора и звали по-другому, то все характеристики к нему подходят точно так же. В любом случае, это был испанский офицер, суровый человек, выходец из обедневшего незнатного рода, и т. д.

Аррильяга Хосе Хоакин – а, скорее всего, это был именно он – мгновенно оценил обстановку.

Да, он прекрасно знал негласную установку своего короля: проявлять крайнюю деликатность в общении с русскими – у испанской короны вовсе не входило в планы конфликтовать с могучей Московией. Но, без ущерба для дружественных отношений между двумя странами, постараться русских на эти земли не пускать...

Два тёртых дипломата, двое умных мужчин – поняли друг друга без слов.

Губернатор тихо способствует внедрению сюда русских. А высокий русский гость – приволакивается за Кончитой,

изображая серьёзные намерения.

После того, как русская делегация уезжает, губернаторское семейство выжидает положенный срок – а именно год. И по прошествии оно, получив траурное известие, Кончита перестаёт быть невестой почившего русского графа – и становится женой местного, кого поинтересней, благо выбор сразу расширился.

Справедливости ради надо сказать, что туземной невесте вышколенный русский чиновник тоже не очень приглянулся... Ну, а тебе бы – понравился, например, инопланетянин с зелёной головой и без ушей? Как мужчина? ... Да? Ну, не знаю...

Как только местные мужчины увидели, что русский посол – очень высокий чиновник, придворный русского царя! – заинтересовался губернаторской дочкой, они тоже ею заинтересовались! Папе оставалось только выбрать.

А что до Русской Американской Кампании: чёрта с два удалось бы так легко занять удобное местечко в Калифорнии, с выходом к океану – и соорудить этот самый Форт Росс, через пять лет после визита русской делегации – без лояльного отношения местного губернатора.

Да, русская делегация – это граф Резанов, основной герой.

И двое русских офицеров, из небогатых, но приличных старинных дворянских родов – Давыдов и Хвостов: командиры кораблей, с которыми вместе он ходил в экспедиции, и которые хорошо его знали. Командиры «Юноны» и «Авось». Капитанов кораблей – в военном флоте командиров – тоже принято всегда приглашать на официальные приёмы и светские рауты...

Остальные участники – лица второстепенные, их в детали дела не посвящали, многого они не видели, а если и видели – то тут же забыли.

«...Наконец, ... всё для экспедиции приготовлено. Июля 25 числа Резанов сам с двумя судами отправился в море, имея намерение лично присутствовать при исполнении сего предприятия; но по нескольких днях плавания, а именно августа 8 числа, переменил сие расположение и дал Хвостову инструкцию, в которой предписав о сахалинцах и японцах всё то, о чём уже мы выше сего упоминали, возложил на него попечение о благоуспешном окончании сего столькими трудами подъящего подвига, и поручил ему обязать всех служителей подпискою, дабы о сей экспедиции ничего не разглашать и содержать оную совершенно в таинстве.

О себе же сказал, что, хотя и желал он быть свидетелем и соучастником в их трудах, дабы мог он, как самовидец, всеподданнейше донести о том Его Императорскому Вели-

честву; но как время уже поздно, а ему необходимо надлежит поспешать в Петербург...

...Когда Хвостов уже совсем готов был к снятию с якоря, тогда Резанов прислал обратно к нему взятую от него инструкцию с написанным при конце оной дополнением. Хвостов, по прочтении сего дополнения, спешил к Резанову для изустного с ним объяснения, но в тоже самое время узнал, что уже Резанов уехал из Охотска.

Дополнение сие было следующего содержания:

«По прибытии Вашем в Охотск нахожу нужным вновь распространиться по сделанному Вам поручению. Открывшийся перелом в фок-мачте, противные ветры нам в плавании препятствовавшие и самое позднее осеннее время обязывают Вас теперь поспешать в Америку. Время, назначенное к соединению Вашему с тендером в губе Аниве, уже пропущено; желаемых успехов по окончанию уже там рыбной ловли ныне быть не может и притом сообразясь со всеми обстоятельствами, нахожу нужным, всё прежде предписанное оставляя, следовать Вам в Америку...».

1806 года сентября 24 дня. N 609. На подлинном подписано: Николай Резанов».

(«Двукратное путешествие в Америку морских офице-

ров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним», Давыдов Г. И.).

Вместо того, чтобы мчаться в Америку, на крыльях любви, к своей невесте – граф Резанов всеми силами отлынивает от этой поездки – к тому же обязательной для него как должностного лица. И отбывает в обратном направлении – в родной Санкт-Петербург.

Не доехав до стольного града Петербурга, спешно отправляет вперёд себя известие: всё, баста, занемог в Красноярске и умер. Все свободны.

Ну, что будешь ещё реветь?

Хозяйка с радостной улыбкой замотала головой. Причмокнула.

И сказала, мечтательно:

– А всё-таки, Машенька, интересно там побывать! И в городишке этом, местных американских писателей и художников – Монтерее. И в Форте Росс, там же кусочек русской истории. И не такой уж давней – по меркам России.

– Может, побываем как-нибудь, – заулыбалась Маша.

Даша опёрлась подбородком на ладонь, легонько вздохнула. И снова причмокнула. Подружка засмеялась. Хозяйка

подхватила.

И вдруг спросила:

– А эти трое – Резанов, Давыдов и Хвостов – с ними-то что? Им новые документы, что ли, сделали?

– Не знаю. Скорее всего. Фамилии поменяли. Ну, а что – из кампании этой Американской они уже вышли. Они там заработали, это было рискованное предприятие, трудное, опасное. Гонорар им был обещан очень приличный. А раз такое дело – наверняка ещё подьёмных дали.

Страна у нас большая. Что, не найдётся разве мест – да хоть и здесь, в столице – где трое умных здоровых проверенных мужчин могут применить свои силы? И служить на пользу Отечеству? Да сколько угодно!

Тем более, что они столько по экспедициям скитались – кто там их уже в лицо помнит. Да и за годы странствий лица успели слегка перемениться.

А государь наверняка был доволен, что дело пошло: ему ж надо казну пополнять, а тут пушной промысел светит! Правда, в итоге ничего не вышло. Но это уже потом, и к этим трем не относится.

Подруги помолчали. Отпили приятно остывший зелёный чай. Ласковое солнце наполняло комнату и душу спокойным светом и теплом.

– Значит, с любовью всё в силе? – смущённо засмеялась

Даша.

– С любовью всегда всё в силе! – заверила Маша: – Любовь – то, во что стоит верить.

Помолчала и добавила:

– Бог есть Любовь. Так говорят многие. Но не все понимают смысл – просто не вдумываются.

Но мы с тобой точно знаем: Бог есть и Любовь есть.

Хозяйка радостно и уверенно кивнула, глядя на свою мудрую родственницу-подружку с обожанием. Засмеялась.

На глазах выступили слёзы – слёзы радости.

– О, только не реви, – шутливо простонала Маша.

Подружки весело рассмеялись.

Дупло

Рассказ

*Человек, который не стремится
к величию души – ничтожество.
Андрей Тарковский*

В то утро она совсем заспалась.

Вскочила, когда папа снова позвал через дверь: они уже идут, а она пусть спит, если хочет.

Она проглотила ещё тёплые блины, не скупясь сдобрив их вареньем, допила кофе. И понеслась вслед только что вышедшим из калитки родителям.

Обычно по утрам на даче они ходили гулять. Взрослые вставали рано. Папа варил кофе и в последний момент строгим голосом будил её.

Как здесь сладко спится! Вокруг лес, за забором Днепр, и воздух свежий, упоительно чистый...

Остывшая за ночь вода, из рукомойника на сосне возле крыльца, моментально пробуждала.

Она быстро завтракала на прохладной веранде, поскрипывая белым плетёным креслом и видя в окно, как у крыльца нетерпеливо топчутся собаки.

По утрам они проходили километров восемь, а то и десять.

К концу прогулки солнце уже поднималось высоко, воздух прогревался. Тонконогий чёрный Пончик трусил, высунув язык, и даже юный рыжий кобелёк Байкал уже не скакал как угорелый, а спокойно бежал рядом с Пончиком.

Байкал приبلудился из деревни. Весёлому добродушному псу с хитрецей так понравилось на дачах, что он решил остаться на всё лето. Их дача пришлась ему особенно по душе, и он оккупировал крыльцо, скрашивая жизнь хозяйского дога Пончика постоянной готовностью к подвижным играм. И каждое утро ходил с ними гулять.

Их путь обычно лежал вдоль реки.

Направо тропинка вела по краю высокого берега, огибая сосны, растущие на самом краю. Их корни, и так нависающие над обрывистым склоном, песок обнажал со временем всё больше и больше.

Здесь, в сосновом бору, солнечные лучи, снопами расставленные меж свободно растущих стройных деревьев, беспрепятственно проникали в самую землю.

В весёлой тишине кипела жизнь.

Поскрипывали высокие сосны, пахло нагретой солнцем хвоей.

Стучал дятел, разнообразная живность целенаправленно шуршала в траве, тенькали и пересвистывались птицы.

Бабочки Павлиний глаз с яркими пятнами кружились, присаживались на лесные цветы, смыкая крылья – словно ресницы спящей красавицы, ждущей поцелуя принца – и упархивали.

И цветы нежно кивали им вслед разноцветными головками.

Компания растягивалась гуськом, глуховато топая босыми ногами.

Бор заканчивался, тропинка уходила вниз.

На широком лугу тропа впадала в дорогу, по которой так редко ездили, что она заросла ромашкой и подорожником. Собаки с восторгом носились в некошенной траве, то пропадая, то снова появляясь вскинутыми мордами.

Позади высился бор, сбоку росли молодые дубы.

Перейдя по мостику ручей, затем ещё один по уложенным бревнышкам, они заходили в лес. Им попадались уже пустые малинники. Смело алели мухоморы. На уровне лица колыхались метёлки и зонтики лесных трав.

Лес – такой густой, что зарядивший с утра по-осеннему

нудный дождик, вымочивший их на лугу, – сюда, на лесную дорогу, сквозь сильные ветви с пышной листвой, долетал лишь отдельными каплями.

Они не торопились вернуться.

Ещё успеют переодеться в сухое.

И согреться горячим чаем с блинами на уютной веранде, внутри, как и весь дом, обшитой тёсом и покрытой прозрачным лаком – отчего и стены, и пол, и потолок получились с тёплым золотистым оттенком.

И так приятно греть пальцы о горячую чашку, сидя за деревянным столом.

И смотреть на дождь сквозь белый тюль на окне во всю стену, обрамлённом плотными тёмно-жёлтыми шторами...

В городе они будут смотреть сводки гидрометцентра, чтобы наутро одеться по погоде. А здесь – так здорово идти вот так, молча, босиком по сырой прохладной дороге, закатав штанины и накинув на голову капюшон старой отцовской штормовки, наспех надетой на летнюю майку.

Пахло влажной землёй, грибами, сырой пылью, мокрой корой, свежей холодной зеленью... И ещё чем-то таким, что – ни свет, ни заря – вытаскивает цивилизованных людей из тёплой постели. И заставляет бродить по лесу – вымок-

ших, но ощущающих вкус к жизни.

В этот день с утра сияло солнце.

Ближайшие дни обещали быть жаркими – прощальный привет уходящего лета.

Выйдя за ворота небольшого дачного поселка, компания направилась налево, по просёлочной дороге вдоль реки.

Здесь тоже росли сосны, только совсем маленькие, зато пушистые.

– Это молодняк, – сказал папа, – на участке тоже посадил таких пять или шесть.

– А, это вот те квёлые былинки, что из земли торчат, – съехидничала она.

– Это одна пока медленно растёт, а остальные уже побольше, – объяснил отец. – А то грядки надоели. Фрукты-овощи проще на рынке или у бабулек покупать, чем всё лето ковыряться.

На дорогу из холодной росистой травы выползла погреться малюсенькая змейка, рядом вытянулась ещё одна.

Цапля! Вон, на том берегу!

На торчащей из воды коряге стояла серая цапля и вглядывалась в гладкую с тёмным тяжелым блеском воду.

А вода стремительно и в то же время неподвижно пронеслась мимо.

Ещё одна цапля замерла поодаль, на одиноком бревне. И ещё одна голенастая птица вышагивала по бледному песку утреннего бережка, не спрятанного под нависающими над водой тёмно-зелёными ветвями.

И вон ещё цапля в небе.

Надо же, сколько их! Правда, все на том берегу.

Тот берег пологий, местами заболоченный, заросший высокой травой до самой воды. А на этой стороне, кроме ёжиков с кузнечиками, только аисты живут, на соседской крыше. И ещё на одной крыше, через два дома.

Она вспомнила про приплывавшую с той стороны молоденькую косулю.

– Да, и сейчас приплывает, изредка, – ответил отец. – По видимому, здесь её приручили и подкармливают, охотники или из местных.

Они миновали спрятанную под деревом обшарпанную легковушку: на том берегу, за цаплями, ниже по течению, стояли в воде три рыбака. Все в здоровенных рыбацких сапогах, на расстоянии друг от друга. Такие же бесшумные и неподвижные, как их лежащие на струганных рогульках удочки.

Пончик и Байкал ускакали вниз по песку обрывистого склона – побегать по кромке воды. Следом за ними исчезла мама: на этом берегу, внизу, тоже сидел рыбак, местный дед из деревни. Мама вынырнула на дорогу вместе с собаками, делая им на ходу внушение громким свистящим шёпотом, что мешать рыбакам нехорошо.

Собаки внимательно выслушали, покрутили ушами и умчались поднимать из травы стайки диких уток.

Дальше дорога раздваивалась.

Они пошли по левой половине, уводившей от реки.

– Видишь за развилкой три дерева? Большие такие. Это старинные дубы.

Никто не знает, сколько им лет. Может, они ещё Наполеона видели. А, может, и ещё старше. В Беловежской Пуще – знаешь, да? – полно дубов по пятьсот-шестьсот лет!.. Когда обратно пойдём, можешь посмотреть, – сказал ей отец. – Там кое-что есть.

– А что там такое? – спросила она.

– Дупло!

– Дупло?..

– Да. И неизвестно, кто его проделал. Оно обращено к ре-

ке – то есть, скрыто от дороги, от посторонних глаз, – подначивал её папа.

– И что, там водятся лешие? – усмехнулась она.

– И лешие тоже, – ответил папа, нагнетая торжественную загадочность. – Старые дупла обычно скрывают старые тайны! Как у Честертона в том рассказе...

А ты там в своём Петербурге хоть что-нибудь читаешь? – с тревогой и надеждой спросил отец.

– Читаю, читаю. Честертон – последний раз, кажется, году в позапрошлом. Но только рассказа про дупло я у него не помню. Хотя – у меня разные подробности быстро из головы выветриваются, – честно призналась она.

– Можешь взять, тут есть в журнале.

Несколько минут они шли молча. Она не вытерпела:

– А что в том дупле?

– А вот потом узнаешь, – папа загадочно усмехнулся.

Ну, ладно, потом – так потом.

Они замолчали.

Она думала о том, что даже если папа просто её разыгрывает – всё равно, хорошо вот так идти.

Но, наверное, в этом дупле точно что-то есть.

Может, свили гнездо редкие птицы.

Или толстые ветви необычно переплелись.

Или, например, лишайник причудливо разросся, отчего и вправду похож на лешего...

А вдруг там, в огромном дупле необъятного старого дерева, тускло мерцают из темноты старинные чеканные монеты червонного золота! И дожидаются их, заботливо уложенные в кувшин – и непременно с ручками, чтоб нести удобней...

Или там живёт говорящий ворон.

Или тысячелетний друид...

Они уходили всё дальше и дальше.

В ней росло ощущение нереальности происходящего.

Дороги уже давно не было.

Их босые ноги ступали по пышной ковровой дорожке из травы – и какой травы! Ярко-изумрудная, нежная, шелковистая. И в то же время упругая, пружинистая, как матрас, оттого, что все травинки как-то эдак закручены и сплетены.

Идти по этому гибриду ковра и матраса одно удовольствие. Интересно, и что это за трава?

Ух, ты, а вот другой ковёр: она прошла и по нему, для разнообразия: трава не такая яркая, но упругая и ещё более пушистая.

Ей казалось, что она забрела в какую-то сказку, нечаянно

наткнулась на дивную поляну с волшебным пейзажем.

Она смотрела во все глаза.

Благоухают высоченные цветы. Молоденькие деревца тоненько звенят листочками. Травы всевозможных оттенков зелени...

Так ведь это действительно только зелёный цвет. И кое-что из жёлтого.

Зато здесь собрана, кажется, вся палитра зелёного, все нюансы и полутона, какие только бывают на свете. Изумруд травы, малахитовая с прожилками листва, тёмно-белёдые подушки мха, оливковые стебельки, фисташковые травянистые кустики, бирюзовая причудливо-резная трава, на ощупь плотная, словно кожаная.

И опять трава – в толстых пучках салатových оттенков.

И ещё что-то там вспыхивает на солнце морской волной. Самоуверенно блестит жёлтым гляncем куриная слепота, и грациозно покачивают нежно-лимонными бутончиками их соседи.

Вдруг сплошная стена кустарника сбоку разомкнулась – и взору открылись другие кусты: вроде бы тоже зелёные, но увитые золотыми нитями, аж горят на солнце.

Она ахнула. Будто боярыни в богатых шубах из золотой парчи с роскошным подбоем!

– Похоже на хмель, – сказал отец.

Она пригляделась.

Длинные тонкие стебли, словно сплетённые в шаль и наброшенные на ярко-зелёные пышные кусты, усеяны хризолитовыми шишечками, обсыпаны пенными янтарными блёстками и припудрены махровой бледно-золотистой пылью.

– Откуда это всё? – спросила она, поражённая.

– Это старица, прежнее русло реки, – объяснил отец.

– А-а-а, – протянула она, – тогда понятно.

Обратно шли молча.

Солнце уже стояло высоко, разливаясь окрест гигантским яичным желтком. Светило и грело, и было жарковато.

Собаки аккуратной трусцой бежали впереди, высунув языки и не тратя силы на шалости.

Она ещё не заходила в такую даль. Наверное, километров двенадцать пройдут. Очень уж долгая сегодня прогулка.

Ну, и хорошо. Она находилась под впечатлением от увиденной красоты.

Вот и развилка.

Папа остановился.

Оглядел старые деревья, упёрся в бока руками в закатанных по локоть рукавах лёгкой рубахи.

И, лукаво улыбаясь, сказал ей с вызовом:

– Боишься?!

Она коротко рассмеялась и пошла к дереву.

Мама прошла с собаками вперёд по дороге и остановилась поодаль.

А они с отцом вошли в густую тень растущих старинных великанов. Их необъятные стволы с густыми развесистыми кронами создавали шатёр с откинутым пологом.

– Смотри, – сказал отец, когда они остановились в шаге от дупла.

Да, отверстие действительно очень большое, с вычурными краями, уходящее глубоко вниз.

– А что там внутри?

– Смотри внимательней, – папа в шутку заговорил утробным голосом прорицателя.

– А что там должно быть?

– Каждый видит своё, – продолжал он в том же духе.

Её глаза привыкли к полумраку. Она приблизила лицо к черноте дыры и собралась ответить в тон отцу...

Внезапно ощутила жуткую боль, будто кто-то воткнул ей в темя раскалённую иглу.

Она вскрикнула, отпрянула, схватилась рукой за голову, ничего не понимая, затрясла длинными волосами.

– Что, что стряслось?! – встрепенулся папа.

– Я не знаю, не знаю, – заплакала она. – Но мне больно! Очень!

Папа стоял рядом, переводя взгляд с её головы на дупло и обратно – и пытаясь понять: что же произошло?

Почувствовав, что в волосах ещё что-то шевелится, она наклонила голову. Волосы повисли густой длинной гривой. Она трясла ими, пытаясь вытряхнуть... что? Она не знала, что – но очень хотела вытряхнуть то, что копошилось в голове. Она запустила в шевелюру ладони и с силой затрясла.

– Шершни! – вдруг донесся до её сознания голос отца: – Идём на дорогу, быстрее!

Услышавшая их с дороги мама тут же скомандовала соба-

кам: – Назад! Ко мне!

Любопытные собаки всё это время тоже стояли возле дупла, за их спинами. Теперь, услышав команду, повернули головы в сторону дороги.

Вдруг она снова вскрикнула:

– Ай! Опять, опять! Больно, больно!

Она стояла и вопила от боли, обхватив голову руками:

– Папа, да сделай же что-нибудь! Опять! А-а-а!

– Да что, что? – волновался отец.

– Да не знаю, не знаю! – ещё горше заплакала она.

С дороги снова послышалась мамина команда собакам.

Но верные и добрые собаки не уходили: растерянно глядели на неё, готовые тотчас броситься на её обидчиков!..

Но врага нигде не видно, а что делать в случае, когда их хозяйку №3 кусают насекомые, они не знали.

Отец понял, что шершни проявляют интерес почему-то именно к её голове. Скинул с себя рубашку и набросил ей на голову.

Взял за плечи и вывел на дрогу. Собаки прибежали следом.

Она стянула с головы рубаху. Убрала волосы с лица, плача и щурясь от яркого солнца.

Отец осмотрел её голову: две припухлости – на макушке и у лба.

– Надо же, – тревожно сказал он, – а я думал, тебя один раз укусили.

– Три, – всхлипнула она. – Приподняла короткий рукавчик футболки, показала расплывающееся пунцовое пятно спереди на левом плече.

– Вот гадины! Два ядовитых жала возле мозга и одно – возле сердца. И что бы им меня в правое плечо не куснуть? – всхлипывала она.

Папины глаза потемнели. Он шумно выдохнул, не разжимая зубов, и его челюсть заходила желваками.

– Чёрт! – сказал он, – сейчас же едем! И вообще, это дурацкая затея, с этой дачей... Собери по-быстрому всё необходимое – документы, там, ключи от квартиры, – повернулся он к маме.

– Если ты собираешься везти её в сельский медпункт, то у нас в аптечке есть всё то же самое, – вежливо ответила мама после некоторого молчания.

– Какой медпункт!! И к чёрту аптечку. Надо ехать в областную больницу, – мрачно изрёк отец.

– А её туда примут, без местной прописки и гражданства? – проворковала мама.

– Примут, – отрезал отец.

И повернулся к дочери: – Сможешь идти? Или я сюда машину подгоню, посидишь под деревом...

– До больницы полтора часа езды, – тихо и ласково гнула своё мама.

– Ничего, – решительно подытожил он.

И глянул на жену недобрым взглядом.

– Никуда я не поеду, – встряла тут дочка сиплым от слёз голосом. – Папа, полтора часа на твоём дизеле – что будет с моей головой? Мне и так больно... А от трёх укусов умирают, да?

У меня аж голова разрывается, – и она опять заплакала от боли.

– Может, выпить аспирина, – предложила она, когда, вернувшись, они стояли на веранде, и мама решила неторопливо осмотреть её голову.

– Да, может ей выпить аспирина, – поддержал папа.

– Вам что, больше делать нечего, сильнейший яд запивать лекарством, – отчего-то возмутилась мама.

И добавила, что самое лучшее сейчас – это полный покой. Лечь спать.

– Но я не могу сейчас спать, мне же больно голове, – воз-

разила она.

– Да, ей же больно, она не может сейчас спать на голове, – поддержал её папа.

Она немножко подумала. И объяснила:

– Ну, я вообще не могу спать на голове, а не только сейчас, я ж не йог.

Отец, до этого смотревший очень напряжённо, вдруг отвернулся. И произнёс другим голосом:

– Ну, ладно. Разговаривает – значит, жить будет.

Она выпила тёплого чая с вареньем, срочно стянула блин из холодильника. Наскоро прожевав, охая, зашла в комнату.

– Зря, – проворковала мама, уютно устроившаяся в кресле.

– Да пусть ест, – возразил отец, сидящий в другом кресле. – Может, полегчает.

На его высоком лбу лежали тревожные морщины.

Мама, отпив кофе, очень изящно держала чашку кончиками пальцев.

Она, охая, ахая и кряхтя, улеглась на диван и кое-как уложила на подушку голову.

Может быть, ей что-нибудь нужно, поинтересовался отец.
Да пусть она уже спит, предложила мама.

– Вот дьявол, всё-таки надо было в больницу поехать, – сквозь зубы пожалел отец. И посмотрел на свою дочь. – Надеюсь, во сне плохо не станет.

Тут она неожиданно вспомнила про старые документы.

– Они наверху, – сказала мама, – спрятаны в антресоли.

– Дорогая, принеси, пожалуйста, – попросил отец, – пусть посмотрит, если ей так хочется. А то ей сейчас тяжело ходить.

– Ещё или уже, – съязвила мама, эффектно вспархивая с кресла.

– Дорогая, ну ты совсем, – и папа покачал головой в горькой задумчивости.

– Но я одного понять не могу, – сказал он, когда мама вернулась со старой картонной коробкой. – Я же столько раз подходил к этому дуплу! И заглядывал в него... Там никогда не было никаких шершней.

– Ты же не намазываешь вареньем голову с утра пораньше. А кое-кто наверняка не вымыл после блинов руки и запустил их в волосы. Шершни обрадовались, что варенье само в гости пришло, – объяснила мама.

– Я пальцы вытерла салфеткой, – простонала она. – А во-

лосы вообще не трогала.

Осторожно ощупав свой затылок, она спросила, что же всё-таки в том дупле.

– Да там сова жила, я хотел тебе показать, – вздохнул отец.

И, резко положив ладони на деревянные подлокотники, оттолкнулся и пружинисто поднявшись, вышел из комнаты.

Мама вышла следом, плотно закрыв за собой дверь.

Она полежала немного, собираясь с мыслями и чувствуя сильную тошноту.

Само пройдёт, думала она. Но само не проходило, ей стало совсем дурно.

Она с трудом встала с дивана и пошла на двор, к удобствам – еле ступая и чувствуя, как нарастающе жарко и мучительно отдаётся в голове каждый шаг.

Через полчаса вернулась, пошатываясь, уже умытая из рукомойника тепловатой водой. Влажные пряди волос прилипли ко лбу.

Проходя веранду, виновато посмотрела на родителей.

– Значит, так, – внушительно сказала мама, – до ужина ничего не есть и не пить, организм должен сам справиться.

– По-моему, чай бы ей сейчас не помешал, побольше. Или вода, – подсказал папа.

Она не стала слушать мамины возражения и ушла в ком-

нату.

Устроилась на диване так удобно, как только могла, лёжа на правом боку и пытаясь не думать о ноющем опухшем плече и раздражающей голову пульсации.

Собралась, наконец, с мыслями и запустила руку в коробку.

Вот бабушкин аттестат, вот трудовая книжка. Вот дедушкино удостоверение. А вот брачное свидетельство другой бабушки.

Она неторопливо и бережно перебирала корочки и бумажки. Вчитывалась в сухие официальные строки, вобравшие в себя годы и десятилетия живых человеческих мыслей и дел. Вспоминала близких людей, которых уже нет...

Перед внутренним взором появлялись их лица, морщинки, мудрые много повидавшие глаза. Родные глаза, с тёплым и живым блеском: они будто смотрели сейчас на неё с мудрым спокойствием – словно говоря: всё будет хорошо.

А она пыталась представить себе своих бабушек и дедушек такими, какими они были, когда её ещё и в помине не было.

Она раскрыла следующий документ. Диплом дедушки, папиного отца: Минский университет, русский язык и литература. Так вот, значит, в кого она!.. То есть, конечно, она всегда об этом знала. Просто раньше не увязывала собственные наклонности с характерами и способностями своих предков.

А ведь в ней есть что-то от каждого из них. Точно есть!
Да в ней очень много от них всех!

И все они – все! она это знает наверняка – прожили долгую, честную и по-своему счастливую жизнь...

Голова запульсировала пылающей болью и загудела.

Она осторожно откинулась на спину. Подождала, пока сотням иголок надоеет колоть, и они отпустят её затёкшую руку, и опять повернулась.

Раскрытый диплом так и лежал на краю дивана.

Глаза скользнули по строчкам: «...поступил в 1937, окончил в 1947». Вот это да... Получается, дедушка половину отучился и на фронт ушёл: сначала Финская, потом Великая Отечественная, получил орден, ранение, а доучивался после войны.

Оба деда прошли всю Вторую мировую...

Господи! Да кому нужны эти войны... Вместо того, чтобы людям мирно жить, детей растить, дома строить. Любить

друг друга, книжки хорошие писать...

Она незаметно уснула. И снилось ей что-то доброе и жизнеутверждающее.

Когда солнце, до духоты прогретое воздух, умерило пыл и наклонилось к закату, она встала.

Послонялась по участку, ступая босыми ногами по тёплой земле, меж яблонь и вишнёвых деревьев, мимо облепиховых кустов на краю и рослой пышной березы в самом центре. Приходя в себя после горячего и непривычного дневного сна – и слушая, как молоточки в голове стучат всё глуше и отдалённей.

Умылась почти горячей водой из нагретого зноем рукомойника.

И пошла на веранду – пить свежий чай со смородиновым вареньем.

– Теперь у тебя совсем исчезнут две-три хронические болезни, – сказал папа.

– Да, – обрадовалась она, – а какие?

– Ну, скажем, радикулит, – пообещал отец.

– Здорово! – ещё больше обрадовалась она. И сникла: –

А у меня нет радикулита...

– Ну, тогда ревматизм.

– Да у меня и ревматизма нет...

– И суставы не ломит?

– Не ломит, – вздохнула она. – Выходит, зря мучилась...

Когда стемнело, отец растопил камин и достал ей из книжного шкафа подшивку «Вокруг света» за 1969 год. Она нашла честертоновский рассказ про дупло, прочла и недоумённо спросила:

– А тут же нет никаких шершней? Тут про старую тайну со скелетом...

– Я тебе и говорил, что про старую тайну. А шершней там и не было.

Ну, вот. Ну, ладно...

Она со всё возрастающим интересом углубилась в журналы.

А там кипела жизнь!

Здесь что-то строили, там что-то поднимали.

Да-а, вот время было, – и она ощутила прилив жизнелюбия.

Студенческие стройки, стройотрядовские куртки с нашивками, песни у костра под гитару! Передовые колхозы. Ударники производства. Романтика! Спорт, Космос – везде мы первые!

Ну, это ж парадная сторона, – засомневалась она. – Да, но ведь почти вся огромная страна тогда так жила, – возразила она сама себе. – На самом деле!

Всё же люди тогда другие были, и не такие циники.

Более целеустремлённые, что ли – и не за деньгами, а в светлое будущее.

Начитавшись, она сложила стопку журналов на столик на тонких ножках рядом с креслом. Потёрла глаза и опустила руки на подлокотники.

Отец уже давно ушёл наверх, и сказал маме, что уже очень поздно, и дочке тем более уже пора спать; да-да, сейчас, – проворковала мама.

Она украдкой рассматривала бесстрастное мамино лицо... Мама сидела на её диване, прислонившись к стене, на коленях покоилась раскрытая книга.

Сбоку дивана примостился Пончик: собака глядела на свою младшую хозяйку с сочувствием и подмигивала ей то одним, то другим глазом.

Вдруг она снова увидела коробку на письменном столе у окна.

И вереница милых сердцу образов поплыла перед взором...

Она почувствовала, как в душе закопошилась нежность, и в носу защекотал стыд – за все былые обиды тем, кого она любит – и кто так сильно всегда любит её...

Она стала смотреть перед собой, в камин. Уютно потрескивали поленья. Дрожащие алые ленты огня, весело играя, отражались в белом кафеле, закоптившемся внизу.

Босым ногам, вытянутым к камину, стало горячо. Она встала, отодвинула кресло подальше. Снова села – и задумалась. Лицо пылало от жара пламени, а спиной она чувствовала прохладу густой августовской ночи.

Она думала о том, что счастье очень многолико.
И при всей его мимолётности – вечно.

Потому что оно всегда живёт внутри.

Ведь не зря же оно заставляет человека ощущать себя счастливым порой даже тогда, когда ему грустно.

Во всяком случае, такие вечера не забываются. И утра тоже. И дни. И ночи.

Ещё бы – как забудешь эти густые чернила, обволакивающие-освежающие. Когда смотришь во все глаза перед собой – и думаешь, что вот там, по всем приметам, должна быть открытая дверь!.. Но ничего при этом не видишь.

Вперишь очи в кромешную тьму и пытаешься зацепиться взглядом хоть за что-нибудь, хоть за какой-то просвет –

и не за что.

А потом неожиданно вспыхивает пара розовых огоньков... Затаив дыхание, смотришь на огоньки; мерцая и перемигиваясь, они сходят постепенно на нет.

Тогда только вспоминаешь, что это резвятся не совсем погасшие дрова в камине.

Только закроешь глаза в этой чудесной лесной тишине, собираясь снова уснуть. Как внезапно кто-то где-то загромыхает костями, и опять...

Ах, да, это же Байкал: во сне сдвинул циновку и переворачивается с боку на бок, стучая локтями по деревянному крыльцу.

Да невидимый в темноте у самого дивана чёрный Пончик вздыхает о чём-то в своих собачьих снах...

Через два дня они вернулись в город.

Родителям нужно подготовиться к работе. Да и ей пора собираться в Петербург.

Вымыв после ужина посуду, она решила продолжить семейные изыскания.

Отец сидел за письменным столом, погружённый в свои мысли, и писал какие-то формулы. Заоконная тьма занавешена тяжёлыми шторами – тёмно-зелёными, в тон дивана. Горят и бра, и настольная лампа, и люстра – освещают ком-

нату ярко-жёлто и уютно.

Все обитатели отражаются в стёклах книжных шкафов, включая наглую старую кошку с отвисшим животом, развалившуюся на исписанных листах. Мама восседает на массивном диване. С краю калачиком примостился Пончик, уложив голову на все четыре лапки.

Дочка в другой комнате обложилась на диване фотоальбомами – бабушкиными, она больше всего их любила рассматривать. Полистала старые картонные страницы с выцветшими, чёрно-белыми, не раз виденными снимками. Пробежалась глазами по красочным глянцевым фотографиям: папа или мама среди преподавателей или с очередным выпуском студентов.

Наконец, взяв две толстенные папки, обнаруженные под альбомами, она устроилась поудобнее. Задержав дыхание, бережно развязала старые размахрившиеся тесёмки. Дипломы и патенты дяди – папиного младшего брата. Добрый, талантливый человек, окончил серьёзный вуз в Москве, начал там хорошую карьеру. Но пристрастился к выпивке, и так и прожил потом в старом отчем доме... А она и не знала, что он чего-то изобретал. Зато знала, что он любил своего старшего брата. Тот тоже был к нему привязан и очень переживал за него.

Она грустно завязала тесёмки и раскрыла другую папку.

О, а здесь совсем старые бумаги.

Ветхая, надорванная, выдавшая виды страничка: «Свидетельство о смерти... Синклития Лукомская... в 1942 году ... от удара по голове...».

Она вздрогнула.

Что это? Почему? Чья-то смерть? Чья смерть? Зачем это здесь?..

Глаза бегали по буквам, она пыталась понять написанное.

Папа, вставший из-за стола пройтись по квартире, остановился и кивнул ей.

– Это твоя прабабушка по моей линии, – объяснил он ей.

– Но откуда это? – допытывалась она.

– Когда дом бабушки и дедушки опустел, я забрал оттуда отцовские книги, роман-газеты. А бумаги отыскались на чердаке.

70 лет там пролежали, спрятанные моим отцом – твоим дедом...

Она заглянула в папку. Нашла старую архивную выписку, за 1945 год, когда дед вернулся с войны: что такие-то действительно его родители.

Только имя в этой бумажке написано по-другому: Синклитика; наверное, имя не самое привычное, вот и писали его кто во что горазд.

Она смотрела на папу. Пончик, вытянув длинную шею, тоже с любопытством взирал на хозяина.

И папа рассказал, что недавно на городской научной конференции к нему подошёл незнакомый профессор из другого вуза и спросил, не родственница ли ему женщина с такой-то фамилией.

Услышав утвердительный ответ, поведал историю.

Шла война. Белоруссия была оккупирована.

Молодой дедушка воевал на фронте. Молодая бабушка, с одним тогда ещё ребёнком – папиной старшей сестрой – ушла в леса, под защиту партизан, как и другие молодухи. В отряде сражались оба её брата, и муж сестры, и многие соседи.

В старом доме оставались только прабабушка со своей сестрой: передавали партизанам продукты, одежду, важные сведения. Пришли двое полицаев, стали выведывать про партизанский отряд. Ничего не добившись, убили их.

Она ещё покопалась в папке, осторожно убрала всё на место. Посмотрела в окно. И опять пошла к папе.

Пончик, элегически уложив подбородок на скрещённые передние лапы, внимательно смотрел перед собой чёрными блестящими глазами.

Отец сидел за столом. Но не писал, а думал о чём-то, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди.

Она присела на балконную ступеньку сбоку от стола и посмотрела на отца.

– Так вот, значит, какие у нас предки...

– Да, – задумчиво проговорил отец. – Да.

Зимним вечером в петербургской кофейне она с подружками ела пиццу.

За окном валил белый пушистый снег.

И так уже всё было укутано пышным слоем – и машины, и тротуары, и на фонарях мягко лежали пуховые шапочки. А снег всё валил и валил, играя искристыми снежинками в желтоватом свете фар и фонарей.

Настенная панель показывала «Дискавери»: сухие каньоны под нещадно палящим солнцем, влажные джунгли, термиты... Подружки что-то обсуждали.

Она вдруг задумчиво спросила, у всех сразу: а шершни – это как оводы?

– Шершни – это типа осы, только большие, – ответила подружка.

– Нэт, Гиви, ос – это вокруг чего Земля вертится, – ответила она детским анекдотом, засмеявшись. – А маленький

мук называется пчёл.

А совсем большой мух, больно кусачий – это и есть шершень, – объяснила она.

И присвистнула: фьють! Неожиданно мелодично.

– Ого! – засмеялись подружки. – Не знали, что ты свистеть умеешь. А это кто?

– Птичка лесная, серая, – она тоже засмеялась. – Сама не знала.

Пончик

Повесть

*У человека есть ещё одна
возможность быть счастливым – это
умение радоваться чужому счастью.
Но взрослые редко сохраняют это умение.*

Фазиль Искандер

Когда-то у неё уже была собака.

Но – то когда-то. И не у неё, а у родителей...

Только что поужинали жареной картошкой. Дочь допивала вторую чашку чая с печеньем, папа сосредоточенно изучал газету.

Решался вопрос с собакой.

– Дорогой, мы уже давно собирались, – ласково и вкрадчиво промолвила мама.

– Да-да, дорогая, да-да, – произнёс отец семейства привычную скороговорку. – Подумаем ещё.

И снова погрузился в газету.

Дочь перевела взгляд на него.

Она в прениях не участвовала.

Поначалу она подавала реплики, но мама ей предложила не вмешиваться. И она замолчала: ну, да, в конце концов она здесь так редко бывает...

Появляется между сборами, на неделю – поучиться в школе, отдохнуть – и опять уехать.

– С собакой придётся гулять каждый день, – папа свернул газету, положил на край стола и обратил взор на супругу.

Мягким тоном он приводил здравые аргументы против.

– Дорогая, давай сразу договоримся: это может быть что угодно – кроме того, что постоянно визжит и тявкает.

Папа даже слегка поморщился.

И уточнил:

– И ты же не собираешься прогуливаться по магазинам с болонкой под мышкой...

– Я не Эльвира Ивановна, – высокомерно проронила мама.

Тут оба родителя строго и внушительно посмотрели на дочь.

Эльвира Ивановна тоже заведовала кафедрой, как папа, но совсем не такой сложно-технической. Дочь тоже её знала, как и некоторых других родительских коллег: иногда забредала в университет после уроков, по какой-нибудь надобно-

сти.

А изредка мама даже брала дочку с собой обедать: мама – в те дни, когда ходила на работу, читать лекцию по экологии – обедала в приличном ресторане возле университета.

Дочка ходила в коричневой школьной форме, волосы стягивала в простой хвост махровой резинкой – не в эффектный «конский» на затылке, а в самый обычный, прямо над кружевным воротничком. И до обожания восхищалась мамой! И мама одевалась дорого, в красивые изящные вещи.

Дочь приняла отсутствующий вид, выбралась из-за обширного стола и пошла к плите – налить лучше себе ещё чаю, к печенькам, перед тем как привычно приступить к мытью посуды.

– Ну, что ты, дорогой! – ласково и нараспев молвила мама. – Конечно, если заводить, то только дога.

И поджала прямые узкие губы.

– Н-да... Дога. Н-да-да, н-да-да, – многозначительно проговорил папа.

И вздохнул.

– Дорогая, у меня очень много работы, ты же знаешь, и дневники, и вечерники, и заочники, и аспиранты; докторская – Бог с ней, пока отложил, но теперь вот деканство. Со-

бака начнет всё грызть, по ночам не спать, скулить... Да и гулять с ней...

– Ну, что ты! Что ты, дорогой! – очень ласково и с выражением проворковала мама. – Конечно же, я сама буду её выгуливать. Тем более что здесь уже есть владельцы с догами. Помнишь, та дама через два подъезда – у неё шикарная мраморная девочка, Долли. Просто прелесть. В стиле портретов английских леди Россини.

Россетти, – машинально подумала дочь, продолжая молча слушать.

– Да-да, конечно-конечно, – усталой скороговоркой согласился отец. – Да-да. А ранней весной или поздней осенью, когда темно и слякотно, серые дожди, ты ведь уже не захочешь... Гулять надо дважды в день, по два-три часа. Крупной собаке нужно пространство. У нас двухкомнатная квартира, а не фамильный замок. Зачем мучить животное.

– Что ты, дорогой, во-первых, наша площадь вполне позволяет, собака будет жить в большой комнате. И я действительно буду сама с ней гулять.

Отец задумчиво и молча барабанил пальцами по накрытому белой скатертью столу.

В следующий раз дочка приехала через полгода. Жила в Петербурге, училась, ездила по сборам.

И вот – лето!

Целых две недели можно отдыхать, в самом начале. А потом – снова сбор. И соревнования. И опять сбор. И ещё соревнования.

На вокзале её никто не встретил. Ну, да... Она нацепила на плечо ремень большой спортивной сумки и поплелась на автобус.

Дома была мама.

И Джина. Так звали собаку.

Папа был на даче, копал погреб возле дома.

Мама велела Джине сидеть смирно, та повиновалась. Дочка поставила сумку в угол, послонялась по квартире. Собака явно следила за ней.

Поняв, что обед будет ещё не скоро, а все её предложения помочь ударяются о скалу, а на кухню её в принципе не пускают даже попить чаю – ну, как же, она же мешает, – она сказала маме, что идёт на улицу.

Лето, солнце, хорошо!

Но подойти к входной двери не удалось: собака потихоньку пришла в прихожую, и легла на циновку, загородив выход.

– Мама, тут ваша собака... Лежит зачем-то...

– Конечно, – неспешно проговорила прибывшая с кухни мама. – Это же дог. Всех впускает – и никого не выпускает. Пока хозяин не велит.

– Так вели ей меня выпустить! Я хочу погулять! Погреться на солнышке – в Питере дожди хлещут и холодно.

– Она признаёт папу, – холодно отрезала мама. – Он приедет с дачи через три дня. А, может, через неделю. Меня она плохо слушает, живёт здесь всего третий месяц.

Дочка выдохнула и поплелась в комнату. Во попала! И зачем, спрашивается, приехала? Лучше сидела бы в своём Петербурге...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.